

ТЫ УЖЕ БЫЛА ЗДЕСЬ

Сергей Орлов

Сергей Орлов

Ты уже была здесь

<https://litres.ru/74572069>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера узнаёт свою кухню по трещине на чашке. На присланной фотографии чужие босые ноги лежат на её подоконнике. Следом приходит сообщение с точным временем и запретом открывать окно.

Девять лет назад исчезла её младшая сестра Нина. Теперь незнакомец заставляет Веру вернуться к последнему вечеру сестры: старому пансионату, белой тумбе и бумагам, которые отец слишком долго хранил у себя. Он привык помогать дочери и решать за неё. Но каждый новый ответ делает его помощь всё менее безопасной.

Психологический детектив о семейном молчании, чужих именах и праве узнать правду, которую близкие называют заботой.

Содержание

Глава 1. Ручкой к стене	4
Глава 2. То, что ты видела	20
Глава 3. Не открывай окно	32
Глава 4. Человек с ключом	43
Глава 5. Обратная сторона	54
Глава 6. Чужая опись	66
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Сергей Орлов

Ты уже была здесь

Глава 1. Ручкой к стене

Вера узнала свою кухню по трещине на чашке.

Трещина начиналась у края и уходила под ручку, как тонкий волос. На фотографии её почти не было видно. Любой другой человек заметил бы жёлтый лимон, разрезанный на две неровные половины, или босые ноги на подоконнике. Вера сначала увидела чашку.

Она сама склеила её четыре года назад. Чашка оставалась единственной вещью, которую отец привёз из старой квартиры без просьбы и без объяснений.

Сообщение пришло в 23:14.

«Завтра. 07:32. Не открывай окно».

Вера сидела на полу в мастерской, прижимая коленом дверцу буфета. Под ладонью был тёплый от трения ореховый шпон. Над столом гудела лампа. Из соседнего бокса доносился кашель охранника, хотя его смена должна была закончиться час назад.

Она отпустила дверцу. Зажим соскользнул, и свежая кромка, на которую ушёл вечер, отошла на несколько миллиметров.

На фотографии чашка стояла возле раковины, ручкой к стене. Вера никогда так её не ставила: внутри ручки оставалась незашлифованная капля клея. Если братья справа, капля царапала средний палец. Поэтому чашка всегда стояла ручкой наружу.

Это было нелепое первое возражение. Не чужой человек в квартире, не окно, не завтрашнее утро. Неправильно поставленная чашка.

Вера увеличила изображение.

Кадр обрывался на уровне колен. Человек сидел на подоконнике, выставив ступни внутрь кухни. На левой пятке белел пластырь. Под правой ногой на плитке лежала тёмная полоска — шнур, ремень или край одежды. Человек был в её квартире. Или когда-то находился там.

Вера вышла из переписки и открыла последнее фото своей кухни. Вчера она отправляла заказчице снимок отреставрированного стула: заказчица хотела увидеть его при обычном освещении. Стул стоял под окном, рядом с батареей. На новом снимке его не было.

Номер отправителя не сохранился в контактах. Вместо аватара — серый кружок.

Она набрала: «Кто это?»

Ответ появился прежде, чем Вера успела положить телефон.

«Домой иди».

На полу под её коленом расползлось пятно клея. Вера

вытерла руки о рабочую рубашку и посмотрела на дверь. Она была закрыта на щеколду. Снаружи кто-то провёл ключами по металлическому косяку.

— Вер, ты ещё здесь?

Голос Тимура.

— Здесь.

— Свет увидел. Закругляйся. Мне потом твою сигнализацию ставить.

Она поднялась, пошатнулась — затекла нога — и открыла. Тимур стоял с пакетом из круглосуточного магазина. Из пакета торчал батон. За его плечом светился длинный коридор бывшего приборного завода, теперь поделённого на мастерские, склады и студию, где учили рисовать людей, похожих на груши.

— У тебя всё нормально? — спросил он.

Вера посмотрела на пакет. Почему-то батон помогал думать. Настоящий, мятый, с ценником. Тимур сейчас пойдёт домой, разогреет вчерашний суп и будет смотреть телевизор. Человек с босыми ногами существует только в её телефоне.

— Мне прислали странную фотографию.

Она показала экран.

Тимур не взял телефон. Наклонился, придерживая пакет локтем.

— Твоя кухня?

— Да.

— А это кто?

— Если бы я знала.

Он выпрямился.

— Ты одна живёшь?

Вера кивнула.

— Полицию вызови. Если кто-то залез, нечего самой ехать.

— Может, старое фото.

— Старое фото кто-то должен был сделать.

Он сказал это без раздражения, и оттого Вере стало стыдно. Она пыталась найти версию, при которой не придётся объяснять чужому человеку, почему снимок её собственной кухни заставил вспомнить сестру. На фотографии не было ничего, что указывало бы на Нину. Даже пластырь: любой мог натереть пятку.

Но Нина, когда сидела на подоконнике, всегда разворачивала чашки к стене. Ей казалось, что ручки, торчащие в разные стороны, создают беспорядок.

Вера набрала номер полиции. Пока шли гудки, экран погас. Она нажала кнопку, посмотрела на себя в чёрном стекле и вдруг поняла, как прозвучит её рассказ.

Сестра исчезла девять лет назад. Двадцать один год. Последний раз видели вечером шестнадцатого ноября. На ней была синяя куртка.

Синяя. Это слово возникало первым, ещё прежде её имени.

— Слушаю, — сказал женский голос.

Вера сообщила адрес и объяснила: неизвестный прислал фотографию, возможно, в квартире находится посторонний. Диспетчер уточнила, есть ли на снимке оружие, видит ли Вера человека целиком и когда в последний раз была дома.

— В половине девятого утра.

— Ключи у кого-нибудь есть?

— У отца.

— Ему звонили?

— Нет.

— Позвоните. По адресу направим сотрудников. В квартире одна не заходите.

Вера повторила адрес. Диспетчер не спросила про сестру, и это оказалось облегчением.

Тимур дождался, пока она уберёт телефон.

— Поедем вместе.

— Не надо, я такси.

— На такси вместе и поедем. Потом ещё одно закажу. Не спорь, у меня суп не убежит.

Он никогда прежде не предлагал проводить её. Иногда чинил замок на воротах, иногда просил помочь выбрать подарок жене. Вера знала, что у него двое детей, один взрослый, другой, кажется, в пятом классе. Сейчас она попыталась вспомнить имя жены и не смогла.

— Спасибо.

— Закрой растворитель сначала.

Она вернулась в мастерскую. Крышка банки действитель-

но осталась открытой. Дверца буфета лежала на полу, кромка поднялась ещё сильнее. Завтра придётся начинать заново. Вера поймала себя на том, что думает о работе с почти обидной ясностью. Как будто главное несчастье вечера состояло в испорченном соединении.

Перед уходом она сфотографировала рабочий стол. Делала так каждую ночь, чтобы утром помнить, где остановилась. В кадре оказались кисть, свёрнутые перчатки, банка и электронные часы: 23:26.

Фотография сохранилась.

Вера зачем-то проверила время ещё раз.

В такси пахло мокрым ковриком и мятной жвачкой. Тимур сидел впереди, говорил водителю, как объехать перекрытый переезд. Вера отправила отцу фотографию и позволила.

Отец ответил на шестом гудке.

— Что случилось?

Он не здоровался после десяти вечера. Если дочь звонила поздно, значит, кто-то заболел или понадобились деньги. Деньги, по его мнению, требовались Вере чаще, чем она признавала.

— Ты сегодня был у меня?

— Нет.

— Посмотри сообщение.

В трубке зашуршало. Отец держал телефон слишком близко ко рту, и каждый его вдох казался отдельным звуком.

— Что я должен увидеть?

— Это моя кухня. Кто-то прислал мне сейчас.

Он молчал.

— Пап?

— Откуда фотография?

— Я же говорю, неизвестный номер.

— Не разговаривай с ними.

С ними.

Вера посмотрела в боковое окно. За стеклом медленно проплыл пустой автобус; внутри, на последнем сиденье, лежала забытая красная сумка.

— Ты знаешь, кто это?

— Нет. Мало ли мошенников.

— Они были в квартире.

— Звони в полицию.

— Уже. Почему ты сказал «с ними»?

— Потому что одним человеком это обычно не делается.

Он ответил сразу. Раньше, когда отец говорил неправду, он тоже отвечал быстро — чтобы Вера не успела задать следующий вопрос. Потом она стала замечать, что быстрые ответы бывают и правдивыми. Привычка искать признаки лжи пережила свою полезность.

— Твой ключ у тебя?

— Да.

— Проверь, пожалуйста.

— Вера, я знаю, где мои вещи.

— Просто проверь.

Послышались шаги, короткий звон, затем раздражённое:

— Здесь. На месте.

— Хорошо.

— Ты сейчас где?

— Еду домой. Не одна.

— С кем?

— С охранником из мастерской.

— Не входи до полиции.

— Мне уже сказали.

Отец помолчал.

— Приеду.

— Не надо. Тебе завтра к врачу.

— Это послезавтра.

Она помнила, как сама записывала его на четверг, но спорить не стала.

— Папа, я перезвоню.

Он не попрощался.

Через минуту на экране появилось новое сообщение от незнакомого номера.

«У него спросила?»

Вера выпрямилась. От пальцев к локтям прошёл холод.

Тимур оглянулся.

— Ещё пишут?

Она показала ему экран. Он протянул руку к водителю:

— Давайте радио потише.

Вера открыла фото, которое отправила отцу, и увидела под ним две отметки доставки. Они ничего не доказывали. Номер мог быть его вторым телефоном. Кто-то мог сидеть рядом с ним. Кто-то мог просто угадать: почти любой человек сначала спрашивает тех, у кого есть ключи.

Она написала: «Что вам нужно?»

Ответа не было.

Вера сделала снимок экрана. Затем ещё один, с номером и временем. Сохранила фотографию отдельно. Ей вспомнилось, как следователь девять лет назад попросил не пересказывать разговоры по памяти, а показать сообщения Нины. Тогда она сказала, что ничего важного там нет.

Телефон сестры был выключен. Переписка сохранилась в её собственном телефоне.

Следователь снова попросил показать.

Вера показала не всё.

Такси остановилось у подъезда в 23:51. Дождь закончился, на ступенях блеснула вода. На первом этаже, за стеклом консьержной, голубел телевизор. Вера обычно злилась на его свет: консьержка засыпала, а экран мигал всю ночь, как плохо закрытый холодильник. Сейчас ей хотелось, чтобы телевизор работал громче и чтобы в будке сидели сразу пять человек.

— Кто сегодня дежурит? — спросил Тимур.

— Тамара Ильинична.

— Ей скажем.

В будке никого не было. На столе лежали очки, поверх журнала посетителей — раскрытая пачка печенья. Дверь в подсобку была приоткрыта. Тимур постучал в стекло.

— Есть кто?

Тамара Ильинична вышла, поправляя пояс кофты.

— Верочка? Поздно сегодня.

— Ко мне никто не поднимался?

— Когда?

— Сегодня.

— Отец твой был.

Тимур посмотрел на Веру.

— Во сколько? — спросила она.

— Днём. После обеда, наверное. Я чай пила. Он ещё спросил, долго ли лифт чинить будут.

— Отец?

Тамара Ильинична нахмурилась.

— Твоего отца я узнаю.

На деревянной дверце консьержной отслаивался угол ламинарованной плёнки. Вера рассматривала его, пока Тамара Ильинична рассказывала про лифт. Хотелось зацепить ногтем, снять весь лист и увидеть, что под ним. Обычная плита, ничего особенного. Но хотя бы одна вещь в этот вечер должна была оказаться именно тем, чем выглядела.

— Он ушёл? — спросил Тимур.

— Конечно. Минут через двадцать. В пакете что-то нёс. Я не досматриваю жильцов, молодой человек.

Вера позвонила отцу.

На этот раз он ответил сразу.

— Доехала?

— Ты был здесь днём.

Пауза длилась недолго, но в ней успел включиться лифт.

— Заходил. Оставил тебе яблоки.

— Я спрашивала, был ли ты.

— Я думал, ты про вечер.

— Я спросила «сегодня».

Он вздохнул.

— Вер, сейчас не время ловить меня на словах. С квартирой всё нормально?

— Ещё не поднималась.

— Подожди сотрудников.

— Почему ты не сказал про яблоки?

— Забыл.

Вера слышала работающий телевизор. Мужской голос весело обещал новую кухню за три дня. В отцовской комнате был старый телевизор, купленный ещё при Нине. Иногда на тёмных сценах экран зеленел. Отец уверял, что это особенности съёмки.

— Какие яблоки?

— Красные. На стол поставил.

— Чашку трогал?

— Какую чашку?

— Мою. Белую.

— Пил воду. Вер, я не знаю, куда её поставил.

Она отключилась, не объяснив зачем. Тамара Ильинична наблюдала за ней с выражением, которое Вера помнила по первым неделям после исчезновения Нины: осторожная готовность отдать чужой беде полчаса, только пусть скажут, что именно делать.

— Можно у вас подождать?

— Конечно. Только стул там один.

Сотрудники приехали в 00:17. Старший представился, младший записал Верино имя. Оба были моложе её. Эта простая мысль почему-то мешала: за девять лет даже полицейские стали другими, а её история осталась той же.

Она показала сообщения. Старший попросил не удалять переписку и спросил про отцовский визит. Вера рассказала. Не добавила ничего про Нину — пока здесь были только странный снимок и дверь, которую предстояло открыть.

В лифте они стояли тесно. Вера чувствовала запах мокрой формы. Тимур остался внизу, у консьержной, договорившись, что подождёт её звонка.

На восьмом этаже горели все лампы. Одна из них вчера мигала. Вера остановилась перед дверью и вытащила ключ. Сотрудник попросил отойти.

Замок открылся без сопротивления. У порога лежал светлый конверт из рекламной рассылки, протолкнутый под дверь. На вешалке висело её пальто. Из кухни падала полоса холодного света.

Утром она оставила свет выключенным.

Сотрудники вошли первыми. Вера ждала у стены, глядя на противоположную дверь. На чужом глазке кто-то наклеил маленькую белую звезду. Соседи недавно завели ребёнка; звезда, наверное, помогала старшей дочери узнать свою квартиру. Вера слышала, как открывают дверь ванной, затем спальни. Никто не окликнул её.

— Заходите.

Чашка стояла возле раковины, ручкой к стене.

Ни лимона, ни человека на подоконнике не было. На столе стоял пакет с красными яблоками. Стул, который Вера фотографировала для заказчицы, кто-то переставил к холодильнику.

— Окна закрыты, — сказал младший. — Балкон у вас есть?

— Нет.

Она подошла к чашке, не касаясь её. На дне оставалось немного воды. Сколотый край отражал лампу над раковиной. Знакомая вещь вдруг стала предметом, который кто-то мог нарочно оставить на виду.

— У отца уточните, свет ли он оставил, — сказал старший. — И стул передвигал ли.

— Спросила уже про чашку.

— Про остальное тоже спросите.

Вера кивнула. Ей хотелось показать им вчерашнюю фотографию, сравнить положение вещей, доказать, что человек

на подоконнике не исчезнет от слова «розыгрыш». Но сотрудник этого слова ещё не произнёс. Она спорила с ответом, которого не получила.

Старший попросил переслать снимок на номер, который продиктовал, и объяснил, как оформить заявление. Вера записала его фамилию. Спросила, могут ли проверить записи с камер. Он ответил, что сначала необходимо выяснить, какие камеры работают и кто предоставляет доступ.

В прихожей младший сотрудник остановился.

— У вас телефон звонит.

Вера посмотрела на экран в своей руке. Ни вызова, ни уведомления.

Из кухни шла тихая мелодия.

Четыре ноты, пауза, ещё четыре. Старый стандартный звонок, который девять лет назад можно было услышать в любом автобусе. Вера поняла, что знает следующую ноту, прежде чем она прозвучала.

— Это не мой, — сказала она.

Старший вернулся на кухню. Звонок доносился из тумбы под раковиной.

Он открыл дверцу. Внутри стояли мусорное ведро, две бутылки средства для посуды и коробка с хозяйственными перчатками. За коробкой светился экран.

Вера увидела красную крышку телефона и маленькую наклейку с тремя звёздами. Одну звезду Нина когда-то соскоблела, потому что наклейка попала на отверстие динамика.

Сотрудник повернулся к ней.

— Знакомая вещь?

Она не сразу смогла ответить.

Телефон перестал звонить. Экран ещё несколько секунд оставался светлым, потом погас.

— Это телефон моей сестры.

— Она могла его оставить?

Вера смотрела на красный пластик. У Нины был новый аппарат, чёрный, купленный за неделю до исчезновения. Этот красный она должна была выбросить: у него разряжалась батарея и не работала цифра восемь. Так Нина сказала. Вера ни разу не спросила, куда он делся.

— Моя сестра пропала, — произнесла она. — Девять лет назад.

Сотрудник закрыл дверцу не до конца, чтобы не трогать телефон. Голос его изменился: стал медленнее, лишился усталого вечернего нажима.

— Назовите её полное имя.

Вера назвала. Затем дату рождения, дату исчезновения и фамилию следователя. Всё это она помнила лучше собственного номера полиса.

Пока старший звонил, младший предложил ей сесть. Вера подошла к переставленному стулу. На его сиденье лежал сложенный лист из обычной школьной тетради.

Она протянула руку, но остановилась.

— Здесь ещё что-то.

На внешней стороне листа было написано одно слово.

«Синяя?»

Буквы печатные. Вопросительный знак получился выше остальных знаков, как крючок, за который можно было зацепить лист и вытащить из него весь воздух.

Старший подошёл посмотреть.

— Это имеет для вас значение?

Из прихожей доносился голос младшего сотрудника: он уточнял номер квартиры по телефону. В раковине редко, раз в несколько секунд, капала вода. Вера подумала, что надо было давно заменить прокладку. Потом поняла: она не думает о прокладке. Просто не позволяет себе произнести ответ.

Нина ушла из дома в серой куртке.

Вера видела её у лестницы. Видела серый капюшон, прижатую к боку папку и ключ, который сестра держала между пальцами. На следующий день, когда отец попросил рассказать, во что Нина была одета, Вера сказала: в синюю.

Отец ответил: «Правильно».

Она никогда не рассказывала об этом никому.

— Да, — сказала Вера сотруднику. — Имеет.

Глава 2. То, что ты видела

Первым приехал отец.

Вера узнала его шаги в коридоре: он ставил правую ногу осторожнее левой, не потому, что она болела, а потому, что когда-то болела. Спустя два года после операции привычка осталась. Раньше этот звук помогал Вере заснуть, когда отец поздно возвращался с работы. Сейчас она слышала его и перестала дышать.

В дверном проёме возникло мокрое плечо куртки.

— Вер?

Младший сотрудник вышел ему навстречу. Отец показал паспорт, ответил на несколько вопросов. Слова «я её отец» прозвучали три раза. Вера смотрела на него из кухни, и всякий раз ей казалось, что он предъявляет не родство, а право прохода.

— С ней всё в порядке? — спросил он наконец.

— Я здесь, папа.

Он вошёл и остановился возле стола. Яблоки лежали в прозрачном пакете. На одном темнело небольшое пятно; днём отец, наверное, повернул его хорошей стороной вверх. Он всегда так делал с фруктами: на столе должно было выглядеть прилично.

— Что нашли?

Вера указала на тумбу.

Он посмотрел туда, потом на сотрудника, который записывал его данные. Лицо отца не изменилось. Вот это и было страшно: Вера знала, как он смотрел на вещи Нины. Даже на пустую заколку в ящике.

— Телефон, — сказала она. — Красный.

— Вижу.

— Ты его принёс?

— Нет.

— Тогда почему ты не удивился?

Отец снял куртку. Сотрудник попросил его пока ничего не трогать, и он остался с курткой в руках, словно пришёл в поликлинику, где гардероб ещё не открылся.

— Я удивился, Вера.

— А это?

Она показала на листок на стуле.

Теперь он посмотрел дольше.

— Что здесь написано?

— Прочитай.

— Очки в машине.

Вера ощутила желание засмеяться. Он уже несколько лет пользовался очками для чтения, это было правдой. Его желание не прочитать слово тоже было правдой. Две правды помещались в одном ответе и позволяли ему не лгать.

— «Синяя». С вопросительным знаком.

Отец опустил взгляд на яблоки.

— И что?

— Нина была в серой куртке.

Сотрудник перестал писать.

Вера сказала это во второй раз за ночь и впервые — так, чтобы услышал отец. Теперь она не могла решить, что чувствует: облегчение или испуг от собственного голоса. Девять лет слово лежало под всем, что она говорила. Серая. Под телефонными разговорами о погоде, под поздравлениями, под просьбой привезти лестницу. Оно никуда не исчезало. Просто со временем стало основанием пола.

— Ты сейчас устала, — сказал отец.

— Не говори это.

Он посмотрел на полицейского.

— Тогда все устали. Может быть, она путает. Мы несколько дней не спали.

— Виктор Павлович, — спокойно сказал сотрудник, — отвечайте, пожалуйста, на вопросы про сегодняшний день. По прежним обстоятельствам с вами отдельно поговорят.

Отец повернул голову к нему так, будто только теперь заметил форму.

— Я не возражаю.

Его спросили, во сколько он пришёл. Около двух. Зачем. Привёз яблоки, хотел посмотреть, не течёт ли кран. Вера действительно жаловалась ему на кран неделю назад. Пользовался ли своим ключом. Да. Был ли кто-то в квартире. Нет. Какие вещи трогал. Пакет поставил, выпил воды, переставил стул, чтобы дотянуться до светильника над раковиной: кон-

такт барахлил. Кран не разобрал, потому что забыл нужный ключ в гараже.

— Свет оставили?

— Мог оставить.

— В тумбу под раковиной заглядывали?

— Да.

— Телефон видели?

— Нет.

— Дверь, когда уходили, закрыли?

— Конечно.

Он отвечал с той же деловитостью, с какой раньше объяснял покупателям состояние подержанных машин. Вера в детстве любила слушать эти разговоры: отец мог назвать десяток недостатков и убедить человека, что именно поэтому машине можно доверять. Он ничего не скрывает. Значит, скрывать нечего.

В прихожей снова слышались голоса. Приехавший мужчина в штатском попросил освободить проход. Второй, с сумкой, начал осматривать дверь. Вера отошла к холодильнику.

Отец воспользовался тем, что остальные отвернулись.

— Зачем ты начала про куртку?

Вопрос был едва слышен.

— Потому что на стуле записка.

— Это не ответ.

— А какой тебе нужен?

Он сжал ворот куртки.

— То, что ты видела на лестнице, и то, в чём она ушла потом, — не одно и то же.

— Она не возвращалась.

— Ты не могла следить за дверью весь вечер.

Девять лет назад он сказал ей почти то же самое. Она стояла в прихожей старой квартиры, держала чашку с водой и пыталась объяснить, почему уверена насчёт серой куртки. Отец кивнул и спросил, не приходилось ли ей когда-нибудь переодеваться перед выходом. Конечно, приходилось. Значит, всё понятно.

И Вера согласилась. Не с тем, что Нина переоделась. С тем, что у неё самой недостаточно права утверждать.

— Откуда ты знаешь, в чём она ушла потом?

Он разжал руки.

— Я не знаю. Никто не знает.

Мужчина в штатском подошёл к ним и представился: Киреев. Имени Вера не расслышала. Он попросил отца подождать в комнате, а Веру — остаться.

— Это мой дом, — сказал отец.

— Мой, — поправила Вера.

Он посмотрел на неё с обидой, и она привычно захотела смягчить сказанное. Но Киреев уже указал на дверь комнаты, не оставив времени для отступления.

Когда отец ушёл, кухня стала шире.

— Вы сказали, что описание одежды было неправильным,

— произнёс Киреев. — Давайте без выводов. Что именно вы видели?

— Сестру на лестнице. В серой куртке. Шестнадцатого ноября, девять лет назад.

— Время помните?

— Около семи. После семи. Точно не скажу.

— Почему в описании появилась синяя?

Вера посмотрела на дверь комнаты.

Киреев не повторил вопрос. У него был такой вид, будто он не собирался уезжать ни через минуту, ни через десять. Отсутствие спешки казалось заботой, хотя могло быть всего лишь способом разговаривать.

— Я сказала сначала отцу. Он не согласился. Сказал, что я ошиблась. На следующий день я назвала синюю.

— Сами или вас просили так сказать?

— Сказала сама.

— Вы помните, что понимали тогда?

— Что это неправда.

Он записал ответ.

Это было легче, чем она ожидала. И тяжелее: никакого грома, никакой перемены в его лице. Девять лет её жизни превратились в несколько слов, которые чужой человек занёс в блокнот.

— Вам тогда сколько было?

— Двадцать девять.

— Сестре?

— Двадцать один.

— Она часто уходила и не предупреждала?

— Да. Она училась и работала. Мы жили вместе, но не отчитывались.

— Где работала?

— В частном центре ухода. Администратором. «Тихий берег». На старой дороге за посёлком.

— После исчезновения связывались с её работой?

— Конечно. Она уволилась. Там сказали, за три дня до этого.

— Вы знали, что уволилась?

— Нет.

Киреев посмотрел на листок, который человек с сумкой уже фотографировал.

— Какие ещё обстоятельства вы не сообщили тогда?

Вера ощутила, что кухня наклоняется. Она взялась за край столешницы.

— Сообщение.

— От сестры?

— За несколько часов до ухода.

— Что в нём было?

— «Если спросит, я у тебя».

— Кто спросит?

— Отец.

— Она его боялась?

— Нет. Я не знаю. Мы часто так друг другу писали. Когда

не хотели объяснять, куда идём.

— Почему вы решили не показывать это сообщение?

Вера закрыла глаза, но темнота не помогла.

Потому что отец прочёл его на её телефоне. Потому что сказал: будут думать, что Нина сбежала из-за семьи, и искать перестанут. Потому что Вера уже успела представить, как узнает следователь про их ссору, как Нинино исчезновение станет наказанием за злость. Потому что хотелось сделать хоть что-нибудь правильно.

— Я боялась, что будут искать не там, — сказала она.

Киреев некоторое время молчал.

— Сообщение сохранилось?

— На старом телефоне. Он лежит у отца. Наверное.

— Вы уверены?

— Нет.

Он не стал добавлять ничего к её ответу. Вера была благодарна ему за это и одновременно злилась. Хотелось, чтобы кто-то сказал, насколько всё плохо. Или насколько поправимо.

Киреев попросил её ещё раз рассказать сегодняшний вечер с самого первого сообщения. Вера рассказала. Когда дошла до «У него спросила?», он уточнил, кому она уже успела переслать фотографию. Только отцу. Показывала Тимур, но не пересылала. Кому известно её расписание. Отцу, заказчикам, соседям по мастерским. В социальных сетях она иногда выкладывает работу поздно вечером.

— Фото кухни там было?

— Со стулом. Вчера. Нет, вчера только заказчице. До этого, возможно.

— Сохраните всё, что может иметь отношение. Снимки не редактируйте.

— Вы думаете, это из-за моей работы?

— Я пока не думаю за человека, который вам пишет.

Его ответ не был уклончивым. Он просто не согласился выбрать удобную версию.

В половине третьего Вера подписала то, что ей предложили внимательно прочитать. Исправила время отцовского звонка: в первый раз сказала «около одиннадцати», а на экране было 23:29. Киреев спокойно дал ей исправить. Телефон сестры и записку забрали. Свою переписку Вера показала ещё раз; ей объяснили, что дальше нужно будет отдельно предоставить необходимые сведения.

— Мне можно здесь оставаться?

Киреев посмотрел на дверь.

— В квартиру вошли без заметных повреждений. До проверки доступа я бы предпочёл другое место. Решение ваше. Ключи и замок тоже лучше проверить.

Отец услышал последние слова.

— Поедем ко мне.

Вера отрицательно покачала головой.

— У тебя остались мои вещи?

— Какие?

— Телефон. Коробки после переезда.

— На антресоли. Зачем?

Киреев ответил раньше неё:

— Виктор Павлович, ничего не выбрасывайте и не переносите. Мы с вами свяжемся.

Отец посмотрел на него, затем на Веру.

— Ты что наговорила?

Она раньше не замечала, какое страшное это слово. Не сказала. Наговорила. Как будто её речь сама по себе была повреждением, которое придётся устранять.

— То, что помню.

Внизу Тимур дремал на стуле консьержки, удерживая пакет между коленями. Увидев Веру, он быстро поднялся.

— Ну?

Она покачала головой.

Отец вышел следом.

— Я отвезу.

— Не надо.

— Вера, не устраивай.

Тимур молча подошёл к двери подъезда. Не взял её за руку и не сказал отцу ничего. Просто подержал дверь открытой, пока она проходила.

На улице Вера набрала номер Сони. Они не виделись пять месяцев; два последних сообщения от подруги Вера оставила без ответа. Когда на другом конце сняли трубку, она начала с извинений.

— Вер, скажи сразу, что случилось, — сонно сказала Соня.

— Можно к тебе?

— Конечно. Я сейчас дверь открою. Адрес помнишь? Вера помнила.

Подъездная дверь за её спиной хлопнула. Отец стоял на ступенях.

— Завтра поговорим, — сказал он.

— Сегодня уже.

Он хотел что-то ответить, но Тимур спросил у Веры, на какой адрес вызывать машину, и ей пришлось отвернуться.

Пока ждали такси, она подняла голову. Кухонное окно на восьмом этаже было тёмным. На снимке лампа горела, хотя изображение прислали до того, как отец признался, что мог оставить свет. Вера подумала, что неизвестный знает не только её прошлое, но и то, как она будет вытаскивать его из людей: по одной вещи, долго, с унижительным сомнением.

На телефоне появилось сообщение.

«Теперь белый шкаф».

Она показала его Тимуру и отправила Кирееву на тот номер, который он оставил для связи. Впервые за ночь не стала отвечать незнакомцу.

Отец подошёл к машине раньше, чем она успела открыть дверцу.

— Кто бы это ни был, он хочет, чтобы ты считала меня виноватым.

— В чём?

Он задержал ладонь на крыше такси.

— В том, что случилось с Ниной.

— А что с ней случилось, папа?

На этот вопрос отец не ответил.

Глава 3. Не открывай окно

Соня поставила перед ней тарелку с бутербродами. Вера посмотрела на них и поняла, что не ела со вчерашнего обеда.

— Не объясняй, пока жуёшь, — сказала Соня. — Я с утра успею удивиться.

Сама она сидела в халате, с одним носком на ноге. Второй остался где-то в спальне. На холодильнике висел список покупок, написанный рукой её десятилетнего сына: «Молоко, корм, скоч». Вера рассматривала его так долго, что Соня проследила за её взглядом.

— Скотч для проекта по окружающему миру. Не спрашивай.

— Как Егор?

— Хорошо. Спит у бабушки. Вер, ты не обязана сначала отдать долг за пять месяцев молчания.

Вера положила бутерброд.

— Мне подбросили телефон Нины.

Соня не спросила «какой Нины». От этого Вера едва не заплакала.

Они дружили с училища. Соня знала сестру: возила их обеих на озеро, учила Нину не красить волосы дешёвой краской в раковине, однажды приехала в старую квартиру среди ночи, потому что отец случайно запер девушек на лоджии. В первые недели после исчезновения Соня печатала объяв-

ления, носила клей и ругалась с водителями маршруток, которые не разрешали вешать листки на стекло. Потом её сын пошёл в сад, мать заболела, муж ушёл. Нина оставалась пропавшей, но жизнь Сони продолжалась.

Вера почти ненавидела её за это. Потом поняла, что ненавидит всех. И стала отвечать реже.

Соня выслушала рассказ, не перебивая. На слове «серая» взяла со стола телефон, посмотрела на экран и снова положила. Вера сразу заметила.

— Что?

— Ничего. Продолжай.

— Ты знала про куртку?

— Я знала, что на объявлении синяя.

— А что она была не синяя?

Соня осторожно придвинула тарелку обратно.

— Я помню, Нина носила серую. Но у неё была и синяя. Я тогда не думала, в какой именно она вышла.

Вера начала рассказывать дальше, хотя хотелось остановиться и спросить всех людей, которые были рядом девять лет назад, что они видели и почему молчали. Потом пришлось бы ответить самой.

Когда история дошла до белого шкафа, Соня нахмурилась.

— У тебя такого нет?

— В мастерской шкафы есть. Но белого своего нет.

— А дома раньше?

Вера вспомнила прихожую старой квартиры: тёмная тумба, зеркало, железная вешалка. В спальне родителей стоял коричневый шкаф с резными накладками. В их с Ниной комнате — книжный стеллаж и комод. Белыми были кухонные шкафы, но их никто не назвал бы «белым шкафом» в единственном числе.

— Может, на её работе, — сказала она. — Там вся мебель светлая.

Соня встала и закрыла дверь кухни. Только после этого спросила:

— Отец мог оставить телефон?

— Он говорит, что не оставлял.

— Это я поняла.

— Мог. Не знаю зачем.

— С ним кто-нибудь живёт?

— Нет.

— К нему кто-нибудь приходит?

— Я. Сосед иногда. Он всё сам.

Произнеся это, Вера поняла, что почти ничего не знает о его днях. Отец мог неделями не брать трубку днём, а потом объяснять, что работал в гараже. Она не проверяла. Они создали друг для друга достаточно короткие описания жизни: мастерская; гараж; кран течёт; купи лекарства. Всё остальное было необязательным.

Соня потянулась за чайником.

— Он сегодня сначала сказал, что не был у тебя?

— Да.

— А ты попросила его ключ проверить?

— Да.

— Тогда завтра поменяй замок. Не потому, что он виноват. Потому, что ты не знаешь, кто входил.

— Уже сказали.

— Я знаю. Я тоже говорю.

Вера улыбнулась впервые за ночь. Соня всегда повторяла хорошие советы, пока они не становились действием, и никогда не принимала «мне уже сказали» за выполненную работу.

— У тебя можно поспать пару часов?

— Можно хоть неделю. На диване бельё. Телефон на звук поставь.

Спать не получилось.

Соня ушла в комнату; в квартире затихли трубы. Вера лежала на диване, смотрела в окно и слышала каждую машину во дворе. В телефонном экране фотография кухни казалась уже знакомой. Это было хуже, чем первый испуг. Чужие ноги постепенно становились частью её дома.

Она увеличила изображение в очередной раз. Свет на пластиковом откосе, край батареи, угол чашки. У левой ступни на подоконнике темнел короткий след. Точно такой же остался после того, как заказчица уронила на него раствор кофе. Вера собиралась перекрасить подоконник и каждый раз переносила на следующий выходной.

Значит, её кухня. Не похожая, не сделанная на компьютере целиком.

Но когда?

Изображение пришло как обычная фотография в переписке. Она не знала, что именно сохранилось в файле и можно ли по нему определить время съёмки. Хотелось нажать какую-нибудь кнопку и получить точный ответ, как при поиске товара по артикулу. Вместо этого телефон предложил сделать картинку фоном экрана.

Вера выключила его.

На тумбочке лежала книга Егора. Между страницами торчал лист с таблицей умножения. Соня рассказывала ей когда-то, что ребёнок не хочет читать, пока не узнает, чем всё кончится. Сперва последняя глава, потом первая. Вера тогда посмеялась: нечестно.

Теперь ей хотелось того же.

В пять сорок она написала заказчице, что доставка стула переносится на два дня. Та прочла сообщение почти сразу и ответила: «У нас завтра гости». Вера извинилась. Заказчица прислала вопросительный знак. Один, без слов.

Она открыла приложение банка и проверила остаток. Аренду мастерской нужно было платить через шесть дней. Последний аванс ушёл на материалы, коммунальные платежи и отцовский исследовательский пакет в частной клинике, за который он обещал вернуть деньги. Она не напоминала, потому что каждый такой разговор превращался в подсчёт

того, сколько лет он помогал ей.

Вера написала: «Если перенос неудобен, верну оплату за доставку». Заказчица ответила: «Привезите хотя бы стул, шкаф можно потом».

Она посмотрела на слово «шкаф». На этот раз обыкновенное, клиентское, с понятными размерами и повреждённым замком.

В мастерской действительно стоял шкаф этой женщины. Но красного дерева, не белый. На снимках неизвестного могло оказаться всё что угодно, а работать всё равно придётся.

В семь Соня вошла в кухню. На ней были уже оба носка.

— Уснула?

— Нет.

— Я тоже. Сделала вид, чтобы ты не чувствовала обязанности со мной разговаривать.

Она включила кофеварку. Вера поднялась, аккуратно сложила плед, затем подумала, что складывание пледа в такой момент выглядит как попытка заслужить право находиться в чужом доме. Развернула его обратно. Получилось глупо.

Соня сделала вид, что не заметила.

— Что ты собираешься делать?

— Поехать к отцу. Забрать старый телефон.

— Ты же сказала, что полиция попросила ничего не переносить.

Вера кивнула. Это и было ответом: она собиралась сделать то, что только что поняла как запрещённое здравым смыс-

лом. Не ради телефона. Ради разговора, который отец не мог закончить кнопкой отбоя.

— Тогда сначала позвоню Кирееву.

— Во сколько он велел звонить?

— Не велел. Номер оставил.

— Напиши. Спросишь, когда удобно.

На часах было 07:19.

Вера отправила короткое сообщение: хочет получить старый телефон, лежащий у отца, как правильно поступить. Отдельно напомнила о белом шкафе. Прочитано не было.

Соня предложила съездить с ней в мастерскую. У Сони до десяти было свободное время: первый ученик по фортепиано приходил в половине одиннадцатого.

— А потом найдём мастера по замкам. У меня есть номер человека, который бабушке менял. Правда, он разговаривает больше, чем работает, но ты теперь умеешь ждать.

Вера согласилась. У неё всё ещё оставался ключ от квартиры, и было странно думать, что она боится вещи, которую носит с собой много лет.

В семь тридцать за окном заработал грузовик. Соня дёрнулась к форточке.

— Они каждое утро...

— Не открывай.

Слова вырвались раньше мысли.

Соня замерла, взявшись за ручку.

Вера смотрела на неё. Это было другое окно, другая квар-

тира, четвёртый этаж вместо восьмого. Кухня Сони пахла кофе; чашки были целыми. Ничего общего со снимком, кроме двух женщин, одна из которых собиралась открыть окно.

— Вер, — мягко сказала Соня.

— Знаю.

Соня убрала руку. Не потому, что поверила. Просто не стала доказывать это ценой Вериного испуга.

В 07:32 телефон завибрировал.

Неизвестный прислал вторую фотографию.

Чашка. Лимон. Чужие ноги. Почти тот же кадр, снятый немного ближе. На откосе теперь ясно читался след от кофе, а на лимонной половинке темнела семечка.

«Уже открыла?»

— Где ты? — написала Вера.

— Не отвечай, — сказала Соня.

Сообщение ушло.

Отправитель начал печатать, остановился. Затем появился ответ:

«Там, где ты оставила».

Вера почувствовала, как в груди поднимается что-то похожее на надежду. Не радость, не облегчение. Почти физический порыв открыть дверь и побежать туда, откуда её позвали. Если написать имя, человек ответит. Если спросить о вещи, которую знала только Нина, всё прояснится. Девять лет ожидания могут закончиться за десять секунд, пока Соня наливает кофе.

Она набрала: «Нина?»

Палец завис над кнопкой отправки.

— Ты не обязана говорить ему, чего больше всего хочешь,

— сказала Соня.

Вера подняла на неё глаза.

Соня стояла у раковины, держала пустую кружку за ручку.

Не подходила, не пыталась отнять телефон. Просто видела, как Вера сама собирается дать неизвестному самое нужное слово.

Вера стёрла имя.

Вместо него написала: «Фотографии переданы полиции».

На этот раз ответ пришёл быстро.

«Ей тоже передавали».

— Кому? — выдохнула Вера.

Соня протянула руку.

— Дай посмотреть.

Они открыли снимки рядом на двух телефонах. Вера переслала первый Соне, затем второй. На маленьких экранах разница казалась ничтожной. Соня положила оба аппарата на стол и взяла лист бумаги, прикрыв верхнюю половину изображений, чтобы не отвлекаться на ноги.

— Тут вода другая, — сказала она.

— Что?

— В чашке. На первом блик длинный, на втором короткий. Может, угол изменился.

Вера наклонилась.

Угол действительно изменился. Фотограф стоял почти там же, но приблизил телефон. Изображения не доказывали, что между снимками прошло восемь часов. Между ними могло пройти две секунды.

Потом она увидела другую вещь.

На первом снимке в правом нижнем углу едва виднелась граница столешницы. На втором — больше. На торце была тонкая светлая полоса, похожая на царапину.

Вера знала эту столешницу. Когда купила квартиру, ламинированная поверхность вздулась у раковины. Отец предлагал заменить всю кухню, но она сняла старую столешницу, сделала новую и закрыла торец широкой тёмной лентой. Снизу, у самого угла, остался небольшой участок, куда лента легла внахлёст. На фотографии линия была сверху.

Она проверила вчерашний снимок со стулом. Там угол закрывал холодильник, ничего не было видно.

— Что? — спросила Соня.

— Не знаю ещё.

Вера снова посмотрела на лимон. Может, никакого лимона не было. Может, ноги добавили в готовый снимок, а столешницу дорисовали. Или она пытается найти ошибку, потому что не выдерживает другой версии.

— Мне надо увидеть кухню днём.

Соня хотела возразить, но Вера продолжила:

— С мастером. После звонка Кирееву. Вместе. Я поняла. Подруга кивнула.

Вера отправила Кирееву новые сообщения и добавила: «На снимке может быть изменение столешницы. Я реставратор. Хочу сравнить с самой кухней». Это было первое предложение за ночь, в котором её работа не выглядела препятствием.

Соня открыла старую переписку и нашла номер мастера. Пока она звонила, Вера увидела ещё одно уведомление. Отец.

«Телефон нашёл. Привезу».

Она сразу набрала его. Он сбросил вызов.

Вера написала: «Ничего не удаляй и не включай. Пожалуйста. Тебе сказали».

Сообщение прочитали.

Ответа не последовало.

Глава 4. Человек с ключом

Киреев перезвонил в восемь десять. Вера услышала в трубке шум улицы и едва не спросила, где он. Потом поняла, что собирается выяснять местоположение каждого, кто с ней разговаривает.

Он попросил отца пока оставить найденный телефон у себя. Если тот уже выехал — не передавать аппарат из рук в руки без необходимости. С Верой договорились встретиться позже, когда она сможет прийти и спокойно изложить прежние обстоятельства.

— Про квартиру, — добавил он. — Вам не нужно оставлять доступ неизвестным людям. Замену замка организуйте. Номер мастера и документы на работу сохраните. Только до этого давайте согласуем время: ваши вещи ещё осмотрят.

— Вы получили снимок?

— Получил.

— Там ошибка.

— Вы написали «может быть».

— Да.

— Тогда пока так и оставим. Покажете на месте, что именно вас смущает.

— А телефон Нины? На него ведь кто-то звонил.

— Это будем проверять. Я не могу сейчас сообщить вам результат, которого нет.

У него не было раздражения в голосе. Вера сама ожидала нетерпения от каждого вопроса и от этого задавала их всё быстрее.

— Вы думаете, она жива?

Пауза.

Соня, сидевшая напротив, опустила взгляд. Наконец Вера произнесла имя, которое ночью стёрла с экрана, только теперь никто не мог воспользоваться им против неё напрямую.

— Я думаю, вам нельзя делать такой вывод по вещи, которую мог хранить любой человек, — сказал Киреев. — Давайте выяснять, кто её принёс.

Она поблагодарила его и положила телефон.

— Он прав, — сказала Соня.

— Знаю.

— Но ты всё равно надеешься.

Вера кивнула.

Соня не стала объяснять, почему не надо. Просто убрала чашки и принялась искать зарядное устройство для своего телефона. Это была одна из причин, по которым Вера когда-то любила приезжать сюда: Соня могла находиться рядом с чужой болью и одновременно вытирать крошки со стола.

Отец прислал сообщение в восемь двадцать: «Во дворе».

Вера позвонила.

— В каком дворе?

— У тебя.

— Я не дома. Я же сказала.

— Приезжай. Телефон привёз.

— Киреев просил его пока не передавать.

— Я Киреева не знаю.

— Папа.

— Что «папа»? Я нашёл то, что ты просила.

Вера представила его в машине: руки на руле, телефон прижат плечом, взгляд устремлён на дверь подъезда. Прежде он мог таким образом ждать её после работы минут сорок, а потом выговорить ей за то, что она задержалась. Не позволил заранее, не спросил, когда она выйдет. Просто приехал, и вся ответственность за ожидание становилась её.

— Ты включал его?

— Конечно. Проверить, рабочий ли.

— Там осталось сообщение от Нины?

— Какое сообщение?

Вера закрыла глаза.

— Приехал — подожди. Я еду с Соней.

— Зачем с Соней?

Она отключилась.

По дороге Соня молчала. Иногда её молчание было поддержкой, иногда — способом не сказать то, о чём потом пожалеет. Сейчас Вера не могла отличить одно от другого.

— Что ты думаешь? — спросила она.

— Что мы обе много лет называем его заботливым, когда он просто не оставляет тебе места выбирать.

Вера отвернулась к окну.

— Я спросила про телефон.

— Тогда про телефон: тебе надо записать, что именно он с ним сделал. Не угадывать по лицу.

Они остановились у дома без десяти девять. Отец стоял возле своей машины, держа в руках прозрачный пакет из-под документов. Внутри лежали телефон, зарядка и старый пластиковый чехол.

Вера вышла первой. Он шагнул к ней и протянул пакет. Она не взяла.

— Давай пока в машине оставим.

— Ты просила привезти — я привёз. Теперь что?

— Просто оставь.

Он положил пакет на водительское сиденье и закрыл дверь.

— Здравствуй, Соня, — сказал он.

— Здравствуйте, Виктор Павлович.

Они обнялись. Вера наблюдала за этим с неожиданной ревностью: Соня могла сейчас свободно положить ладонь ему на плечо. Для неё он ещё оставался знакомым взрослым человеком, который когда-то отвозил всех на озеро и чинил розетку. Вера не знала, как коснуться собственного отца.

— Вы обе завтракали? — спросил он.

— Да, — ответила Соня. — Вера, я позвоню мастеру.

Она отошла на несколько шагов, но осталась рядом с машиной.

Отец посмотрел ей вслед.

— Ты ей что рассказала?

— Всё.

— Что значит «всё»?

— Про фотографию. Про телефон. Про куртку.

Он провёл рукой по лицу. Щетина зашуршала.

— Ты сейчас можешь объяснить мне, что происходит, без обвинений?

— Я всю ночь спрашиваю.

— Но спрашиваешь так, будто ответ уже знаешь.

— Тогда скажи тот, которого я не знаю.

Отец открыл багажник. Вера напряглась, но он только достал сложенный зонт. Багажник был забит обычными вещами: трос, канистра, коробка с перчатками, ветхая сумка с инструментами. Под сумкой лежала белая мебельная ручка.

Такие ручки встречались тысячами. Пластиковые, дугообразные, с двумя отверстиями под крепёж. Она могла оторваться от любой тумбы.

Вера всё равно посмотрела дольше, чем собиралась.

— Где ты взял телефон?

— На антресоли.

— В какой коробке?

— Твоей. Где бумаги и провода.

— Там был мой ноутбук?

— Не помню.

— Большой чёрный, я просила не выбрасывать.

— По-моему, был.

— А почему ты включил телефон после того, как тебе ска-
зали ничего не трогать?

Он поправил зонт в руках.

— Потому что думал: тебе легче станет. Увидишь, что там
ничего нет.

— Ничего?

— Он давно лежал. Батарея вздулась в том, красном, я
помню. Этот твой, обычный.

Она вскинула голову.

— Ты помнишь батарею красного?

Отец посмотрел на неё с усталой осторожностью.

— Нина жаловалась. Ты тоже жаловалась. У вас тогда всё
время что-нибудь ломалось.

— Она говорила, что выбросила его.

— Возможно, выбросила.

— Ты видел, как?

— Вера, я не следил за мусорным ведром.

— Ты включил мой телефон. Что сделал потом?

Он долго складывал ремешок зонта. Вера смотрела на его
пальцы — знакомые, с толстыми суставами, с маленьким
кривым ногтем после старой травмы. Как можно одновре-
менно ждать от этих рук защиты и доказательств?

— Зарядил. Открыл сообщения. Там много старого.

— Удалял что-нибудь?

— Нет.

— Отправляя?

— Нет.

— Кому-нибудь показывал?

— Нет.

Она записала ответы в заметку.

Отец наблюдал за экраном.

— Теперь и меня записывать будешь?

— Чтобы не забыть.

— Я твой отец.

— Я знаю.

По тротуару прошёл мальчик с большой собакой. Собака тянула к дереву, мальчик удерживал поводок обеими руками. Отец подождал, пока они уйдут, и сказал тише:

— Ты понимаешь, что если сейчас начнёшь ворошить старое, это не вернёт её?

— А что вернёт?

— Ничего.

Вера посмотрела на него.

Он тоже понял, что сказал.

— В смысле, мы уже всё сделали, что могли.

— Папа, она пропала. Мы не знаем.

— Я знаю, что не знаем.

— Ты только что сказал «ничего».

— Ты цепляешься за слова.

— У меня сейчас только слова.

Соня подошла и сообщила, что мастер сможет приехать

после двенадцати. Ему нужен снимок замка. Вера отправит, когда получит возможность войти в квартиру.

Отец сразу предложил своего знакомого. Дешевле, ближе, уже работал в их доме.

— Нет, — сказала Вера.

— Почему?

— Потому что я уже договорилась.

В её ответе не было ничего особенного. Именно поэтому отец растерялся. Обычно она приносила доводы, а он разбирал их по одному, пока от решения не оставалось ничего.

Он открыл водительскую дверь.

— Тогда я поеду. Телефон кому?

Вера снова позвонила Кирееву. На этот раз тот ответил быстро. Выслушал, что отец включал аппарат, и попросил их подождать: он уточнит дальнейшие действия. Никто не обещал мгновенно приехать. Отец постоял возле машины, потом сел и закрыл дверь, оставив окно приоткрытым.

— У меня тоже дела, — сказал он.

— Я знаю.

Они ждали двадцать минут. Вера успела замёрзнуть. Соня принесла из машины дополнительную кофту и не стала спрашивать, почему она вышла без куртки по погоде. Когда Киреев связался снова, отец уже сердился открыто.

Пакет в итоге оставили в его машине до согласованной встречи. Вера попросила его точно назвать время, когда он нашёл и включил аппарат. Записала: 06:50. Потом он уехал.

Соня проводила машину взглядом.

— По крайней мере, он не избавился от него.

— Мы ещё не знаем.

— Да.

Они вошли в подъезд. Тамара Ильинична закончила смену. На её месте сидел незнакомый мужчина, который долго листал журнал и не мог найти Верин номер квартиры. Она спросила, где записи с камер. Он ответил, что не занимается ими, и указал телефон управляющей организации на стенде.

Вера сфотографировала номер.

На лестничной площадке восьмого этажа её ждал сосед с белой звездой на двери.

— У вас ночью что-то произошло?

Ему было лет тридцать пять. Вера знала его как человека, который всегда выносит мусор без ведра, в одном пакете, и задевает им брюки. Они обменивались кивками два года, ни разу не назвав друг другу имён.

— Да. Мне подбросили чужую вещь.

— Я утром жене сказал. У вас вчера женщина была. Я подумал, родственница.

Вера остановилась.

— Во сколько?

— Около пяти. Может, позже. Мы с дочкой с площадки возвращались.

— Вы видели, как она вошла?

— Да. Дверь открыла.

— Ключом?

— Вроде. Не ломала точно.

Соня осторожно поставила сумку на пол.

— Как она выглядела? — спросила Вера.

— Светлая куртка. Волосы тёмные. Лица почти не видел.

Она повернулась к двери.

— Возраст?

— Не знаю. Как вы примерно.

Это могло означать двадцать пять или пятьдесят. Вера не стала поправлять.

— Небольшая сумка была? — спросила она и сразу пожалела: теперь он начнёт вспоминать сумку, даже если её не видел.

— Не помню. Рюкзак, может.

— Как вас зовут?

— Денис.

Она назвала себя. Денис удивился, будто был уверен, что они давно представлены.

— Можно ваш номер передать человеку, который этим занимается? Вы ему расскажете сами.

Он согласился и продиктовал.

Вера записала, не добавляя описание сумки. Светлая куртка. Тёмные волосы. Около пяти. Видел возвращаясь с дочерью. То, что действительно сказал.

Нина в девять лет была темноволосой. В двадцать один красилась светлее. Как она выглядела бы сейчас, Вера не зна-

ла. Это не было уликой. Это было желанием.

Она отправила сведения Кирееву.

Когда Денис ушёл, Соня сказала:

— Теперь есть женщина.

— Женщина и ключ.

Вера посмотрела на собственный ключ. Отец уверял, что его экземпляр на месте. Её экземпляр был с ней. У предыдущего владельца квартиры тоже мог остаться один. У рабочих, которые три года назад меняли дверь. У человека, которому когда-нибудь дали комплект на пять минут.

Всё это были возможные ответы.

Ни один не объяснял, почему женщина знала о серой куртке.

Глава 5. Обратная сторона

На кухню они вошли ближе к одиннадцати, после повторного осмотра. Вера не сразу узнала помещение при дневном свете. Стол был слишком обычным, окно слишком небольшим. Ночью всё казалось глубже, как театральная декорация, в которую можно войти и не выйти.

Она поставила сумку на пол и попросила Соню ничего пока не переставлять.

— Я только воду налью.

— Возьми другую чашку.

Соня достала стакан.

Молодой сотрудник, который приехал осматривать квартиру вместе с коллегой, стоял у двери. Он попросил Веру показать место на снимке. Она приблизила изображение, затем указала на торец столешницы.

— Здесь линия сверху. У меня — снизу.

Он наклонился.

На настоящей столешнице тёмная кромочная лента заходила чуть ниже середины. Вера когда-то сделала это намеренно: верхний край со временем начал отходить, и она сняла старую полосу целиком. Под ней осталось светлое пятно от прежнего клея.

— Может, на фотографии свет по-другому падает? — спросил сотрудник.

— Может. Я не уверена. Но посмотрите ещё на окно.

За ночь Вера десятки раз приближала снимок, но только теперь увидела, что ей всё время мешало. На присланной фотографии белая ручка окна находилась справа от человека, сидевшего на подоконнике. В настоящей кухне — слева от того, кто сидел бы в таком положении. Само по себе это означало мало: можно снять отражение. Можно перевернуть изображение. Но у чашки ручка оставалась с той стороны, где она и должна была быть, если фотограф стоял у двери.

Вера открыла первый снимок, потом второй.

— Они могут быть собраны из нескольких изображений, — сказала она. — Окно перевёрнуто, чашка нет. Или я неправильно вижу угол.

— Вы могли бы раньше фотографировать кухню через зеркало?

— Зеркала здесь не было.

— А в телефоне вы сами не переворачивали снимок?

— Нет.

Соня поставила стакан на пол, подальше от рабочей поверхности.

— У меня пересланные тоже так выглядят.

Сотрудник записал объяснение Веры. Не назвал фотографию подделкой. Сказал, что это проверят отдельно.

Вера сфотографировала кухню из нескольких точек по его просьбе. Потом приблизилась к подоконнику и увидела новый след на пыли, у самого угла. Прямоугольник, как

от небольшого предмета, который поставили и убрали. Там раньше лежала линейка. Линейку она забрала в мастерскую неделю назад. Прямоугольник мог оставаться с тех пор.

Вера отказалась называть его следом чужого телефона. До этой ночи она считала себя человеком, который умеет замечать. Теперь обнаружила, что замечать и понимать — две разные работы.

Сотрудники ушли. Соня предложила вынести яблоки, но Вера попросила оставить.

— Что если он просто яблоки привёз?

— Тогда яблоки хорошие, — сказала Соня. — Всё остальное выясним отдельно.

Она не предложила съесть одно. Вера была благодарна.

Мастер пришёл ровно в двенадцать двадцать. Невысокий мужчина с красным носом и спокойным голосом. Соня обещала разговорчивого, но он ограничился вопросами о двери и оплате. Записал данные для заказа, разложил инструмент на принесённой ткани. Вера стояла рядом, пока он работал, словно могла по каждому движению понять, как в её квартиру попала женщина.

— Старый цилиндр вам оставить? — спросил мастер.

— Да. И ключи тоже.

Он положил снятую деталь отдельно. Вера сфотографировала её, сохранила квитанцию, записала время. Человек в её заметках перестал быть «мастером», стал Анатолием Сергеевичем с номером телефона. Это казалось полезным, хотя

не уменьшало страха.

— Дубликаты нужны?

— Нет.

— Здесь комплект. Проверим все.

Они по очереди проверили ключи. Замок закрывался чуть туже прежнего. Мастер показал, где придержать дверь, чтобы язычок не цеплял. Вера запомнила. Впервые за двенадцать часов у неё появилась задача, которую можно было закончить правильно.

Когда он ушёл, Соня взглянула на часы.

— Мне надо к ученику. Я могу перенести, если...

— Не надо. Я в мастерскую поеду.

— Точно?

— Да. Здесь всё равно не смогу работать.

— Вечером приезжай ко мне. Если передумаешь, просто скажи.

Она обняла Веру, быстро и крепко. Потом отстранилась.

— И ешь. Я понимаю, что это звучит идиотски, но ешь.

Вера взяла из шкафа пакет печенья и положила в сумку, чтобы подруга увидела. Соня улыбнулась без веселья.

После её ухода квартира сделалась тихой настолько, что Вера услышала гул холодильника, который никогда раньше не замечала. Она обошла комнаты. В спальне всё было на месте. В ванной — тоже. В прихожей на полке лежала щётка для обуви, рядом с ней отцовские рабочие перчатки.

Он забыл их вчера.

На ладони одной перчатки белела засохшая краска. Не редкая улика, не знак преступления. Обычная белая краска на руках человека, который постоянно что-то чинит.

Вера оставила их там.

Телефон зазвонил, когда она закрывала дверь. Заказчица.

— Мне сказали, вы можете привезти стул сегодня.

— Кто сказал?

— Ваш помощник. Мужчина звонил.

Вера оперлась о стену.

— У меня нет помощника.

— Подождите. Он назвал моё имя, адрес, цену. Сказал, что вы заняты и он отвезёт.

— Ничего ему не передавайте. Какой номер?

Заказчица продиктовала.

Номер отца.

Вера поблагодарила, объяснила, что это родственник и доставка пока не согласована. Заказчица раздражённо попросила разобраться между собой, а потом уже назначать время. Вера пообещала перезвонить через час.

Она набрала отца.

— Ты звонил моей заказчице?

— Хотел помочь.

— Откуда у тебя её номер?

— Ты мне сама говорила. Когда просила шкаф перевезти.

Это было правдой. Месяц назад отец помог доставить тяжёлую мебель. Она тогда вписала адрес в его телефон и по-

просила позвонить за полчаса до приезда.

— Не делай этого без меня.

— А ты без меня всё делаешь.

— Это моя работа.

— Я понял. Я уже ничего не должен делать.

Она подождала. Раньше в этом месте начинала объяснять, что не это имела в виду. Теперь в разговоре возникла незнакомая пустота.

Отец заполнил её сам:

— Ты телефон смотреть будешь?

— Когда договоримся.

— Там ничего нет.

— Ты это уже говорил.

— Потому что ничего нет.

— Сообщения не сохранились?

— Часть сохранилась. От банка, от тебя самой какие-то записи. От Нины нет.

Вера медленно села на ступеньку лестницы.

Телефон мог потерять данные. Она могла удалить их сама, много лет назад, в тот период, когда удаляла всё, что не могла перечитать. Отец мог открыть не ту папку. И он мог удалить сообщения сегодня в 06:50, когда её попросили не переносить вещи.

Ни одна возможность пока не была фактом.

— Я посмотрю сама, — сказала она.

Отец ответил не сразу:

— Хорошо.

В мастерскую Вера приехала после двух. Тимур сидел у входа и размешивал сахар в пластиковом стакане. Увидев её, поднялся слишком быстро, пролил чай на стол и стал вытирать салфеткой.

— Как ты?

— Не знаю. Спасибо тебе за вчера.

— Соня забрала?

— Да.

— Я жене сказал, что у человека беда. Она хотела пирог передать. Я сказал, рано с пирогом.

Вера почти рассмеялась.

— Не рано. Я есть забываю.

— Тогда завтра принесу.

Тимур проводил её до бокса. Дверь была заперта; сигнализация работала. Внутри пахло вчерашним клеем. Кромка буфета окончательно отошла, но дерево не повело. Вера могла исправить.

Она сняла куртку, надела рабочую рубашку и десять минут пыталась делать то, что делала каждый день. Разогреть состав. Убрать лишнее. Подрезать край. Руки действовали правильно, но каждые двадцать секунд она оглядывалась на телефон.

— Я могу посидеть снаружи, — сказал Тимур.

— Не надо. Ты же работаешь.

— Я охраняю. Это, между прочим, близко.

Он принёс стул из коридора и сел у двери, достав свой телефон. Ничего торжественного в этом не было. От этого Вера успокоилась больше, чем от всех заверений за ночь.

Она закончила стул к трём. Позвонила заказчице, согласовала вечернюю доставку через обычную службу и оплатила её. Потеряла часть заработка, зато отец не будет заходить в мастерскую без её присутствия ради помощи, о которой никто не просил.

Когда курьер ушёл, Тимур спросил:

— Тот человек ещё пишет?

Вера покачала головой.

— С утра нет.

— А что хотел-то?

— Белый шкаф.

Тимур посмотрел в глубину бокса.

— У тебя же был.

Вера повернулась.

— Когда?

— До того, как я сюда пришёл. На фотографии видел. Ты мне показывала, что раньше здесь стояло. Когда пол мыли после трубы.

Она вспомнила: прошлой весной из соседнего помещения текла вода, нужно было установить, с какой стороны пошла сырость. Вера показала Тимуру старые снимки бокса, ещё до переезда верстака. На одном стояло много мебели, которую привёз отец после расчистки склада.

— Там разные вещи были.

— Маленький белый. Две дверцы, сверху такой... не знаю, карниз. Справа ящик.

У Веры пересохло во рту.

— Это не шкаф. Тумба.

— Для тебя тумба. Для меня шкаф.

Она открыла архив фотографий. До нужного месяца пришлось листать долго. Тимур терпеливо ждал, пока она минует законченные заказы, снимки царапин, накладных и совсем случайное фото пальца.

На старом снимке бокс выглядел иначе. В углу стоял отцовский диван, над ним — электрокотёл, который потом сняли. Возле стены виднелась белая тумба на коротких ножках. Две дверцы. Выдвижной ящик с дугообразной пластиковой ручкой.

На левой дверце облупилась краска у замка.

Вера увеличила снимок.

— Оно? — спросил Тимур.

— Да.

Она помнила, как сняла ручку, потому что один винт проворачивался. Помнила внутреннюю сторону дверцы, покрытую тонкой серой плёнкой. И ещё помнила отца, который сказал: это не клиентское, сделай когда будет время.

Времени не появилось. Тумба простояла месяц, затем отец забрал её обратно.

— Где ты её взял? — спросила Вера тогда.

— Из старого пансионата. Там ремонт, мебель списали.

Сейчас она отчётливо вспомнила эти слова. Тогда не придала значения. Отец много лет помогал знакомым с мелким ремонтом, возил мебель и оборудование из закрывающихся учреждений. Иногда покупал за символическую цену, иногда забирал за вывоз. У неё в мастерской стоял целый мир чужих вещей, которым он успел придумать короткое объяснение.

— Номер какой-то тут, — сказал Тимур.

На боковине виднелась белая прямоугольная наклейка. Вера увеличила изображение до предела, но цифры рассыпались на квадраты.

— Инвентарный, наверное.

Под наклейкой была тонкая синяя полоса. Кто-то обвёл её шариковой ручкой или оставил след от окрашенной ткани. Вера не могла понять.

Она выбрала исходный снимок без увеличения и переслала Кирееву. Написала: отец привозил эту вещь из пансионата; возможно, именно её имеет в виду отправитель. Не стала писать название «Тихий берег». Отец тогда его не называл.

После этого она позвонила ему.

— Белая тумба, которую ты привозил два года назад. Где сейчас?

На заднем плане стукнул металл.

— Какая тумба?

— Две дверцы, один ящик. Я ручку снимала. Ты потом

забрал.

— Давно было. Продал, наверное.

— Кому?

— Не помню. Посмотрю.

— А откуда она?

— Со склада.

— Ты говорил, из пансионата.

— Значит, со склада пансионата. Вер, у меня руки заняты.

— Из «Тихого берега»?

Металл перестал стучать.

Вера услышала, как отец выдохнул. Потом он сказал:

— Не ездите туда.

— Мы никуда не собирались.

— Там ничего нет. Всё давно закрыли.

— Почему ты сказал «не ездите»?

— Потому что вы с Соней теперь всё вместе делаете.

Вера посмотрела на Тимура, который стоял у двери и молча наблюдал за её лицом.

— Я спрошу ещё раз. Откуда тумба?

— Оттуда, — сказал отец. — Из «Тихого берега».

Она записала название в заметку уже после окончания разговора.

Тимур спросил, нужно ли ему остаться ещё.

— Нет. Я сейчас уйду.

— Куда?

— Не туда, куда нельзя.

Он покачал головой.

— Это плохой адрес.

Вера улыбнулась, но он не улыбнулся в ответ.

— Скажи кому-нибудь, куда едешь. И если передумаешь,

тоже скажи.

Она обещала.

В кармане завибрировал телефон. Новое сообщение от неизвестного номера.

«Вспомнила».

Слово без вопросительного знака.

Глава 6. Чужая опись

Вера не ответила на сообщение. Она положила телефон экраном вниз и ещё раз посмотрела на фотографию тумбы.

Два года назад ей было тридцать шесть. В ноябре она закрыла мастерскую на четыре дня: сломалась вытяжка, и работать с составами стало невозможно. Именно тогда отец привёз мебель. Не летом, как ей казалось ещё пять минут назад. На снимке у окна стоял обогреватель, а на верстаке лежала накладная на фильтры.

Она открыла сведения о фотографии. Дата совпала с её догадкой.

Это было маленькое исправление собственной памяти. Но если можно ошибиться на целый сезон в истории тумбы, сколько ошибок было в истории Нины?

Тимур постучал по косяку.

— Ты сейчас машину вызывать будешь?

— Сначала позвоню.

Она набрала Киреева. Он ответил на третьем гудке, слушал без вопросов, пока она говорила о признании отца. Потом попросил прислать снимок ещё раз, без пересылки из разговора.

— Исходный файл я уже отправляла.

— Хорошо. И дату, когда вещь была у вас. Точную, если можете установить.

— Могу по фотографии. Но отец привёз раньше.

— Так и напишите. Дата фотографии — не дата доставки.

Вера записала его слова почти дословно. Ей понравилось, что он отделил одно от другого. До этой ночи точность казалась частью её профессии: миллиметр, направление волокна, температура. Теперь оказалось, что она нужна и там, где ничего нельзя измерить линейкой.

— Я хочу найти человека, который работал с Ниной, — сказала она.

— Вы знаете кого-то?

— Нет. Но центр был рядом с посёлком. Там могли остаться сотрудники.

Киреев помолчал.

— Вера Викторовна, если вам сообщают место и требуют туда ехать, сначала передайте это мне. Не договаривайтесь о встрече с отправителем.

— Он не требует. Пока.

— Тогда тем более не нужно выполнять то, чего он даже не просил.

Она посмотрела на Тимура. Тот перестал делать вид, что занят телефоном.

— Я не поеду сегодня в центр, — сказала Вера.

После разговора она почувствовала облегчение и сразу — раздражение на себя. Не ехать было разумно. Не ехать было похоже на то, что она делала девять лет.

Тимур ушёл проверять ворота. Вера собрала инструмен-

ты, вымыла кисть и убрала бутылку растворителя в металлический шкаф. Впервые за день убедилась, что крышка закручена. Если оставлять мастерскую на ночь в таком состоянии, однажды произойдёт беда и без неизвестных людей.

Соня ответила коротким сообщением: освободится к шести. До тех пор можно приехать, ключ у соседки.

Вера написала, что сначала зайдёт к отцу. Потом стёрла.

Она не хотела идти к нему одна, а просить Соню снова отменять работу не могла. В итоге отправила другую фразу: «Есть название пансионата. Расскажу вечером».

На остановке дождь попадал под навес сбоку. Люди сдвинулись к рекламному щиту, оставив свободным край скамьи. Вера села и принялась искать название центра.

В памяти «Тихий берег» был одним зданием. На экране он оказался несколькими несовпадающими вещами: старым объявлением о работе, карточкой с неверным номером телефона, фотографией праздника, местом, которое называлось центром временного ухода, и организацией, зарегистрированной по совсем другому адресу.

Она сохранила страницы. Не стала считать первую найденную запись ответом.

Фотография праздника была самой старой. Семь женщин стояли возле стола с тортом, два мужчины сидели впереди. На заднем плане угадывалась застеклённая веранда. Подпись поздравляла сотрудников с юбилеем учреждения; фамилий не было.

Вера увеличила правую часть.

У Нины в двадцать один была привычка прятать правую руку за спиной на общих снимках. Она не любила шрам у основания большого пальца, оставшийся после разбитого стакана. В углу фотографии стояла светловолосая девушка, держа левую руку на краю стола.

Одежда не помогала. Лицо занимало десяток мутных точек.

Вера сняла увеличение.

Она уже едва не узнала сестру по тому, чего на фотографии было не видно.

Автобус подошёл, но она не встала. У страницы был автор — районная библиотека. Ссылка вела к подборке о волонтёрских поездках. Последняя запись появилась несколько лет назад.

Вера нашла телефон библиотеки и позвонила.

Женщина на другом конце попросила говорить громче. Вера отошла от дороги, прикрыв ухо свободной ладонью, и повторила вопрос: сохранились ли материалы о «Тихом берегу» и можно ли установить, кто из сотрудников изображён на фотографии.

— Вы родственница постояльца?

— Сотрудницы. Она работала там девять лет назад.

— Сейчас посмотрю, кто у нас этим занимался. Не кладите трубку.

Из динамика донеслись скрип стула и разговор вдали. По-

том женщина вернулась.

— Валентина Андреевна вела выезды. Она сегодня до семи. Вы можете подъехать?

Вера посмотрела на мокрую скамью. Из библиотеки ей не писали ночью. Никто не назначал тайную встречу. Это было открытое учреждение с расписанием и сотрудником, имя которого она сама спросила.

Она уточнила адрес, часы и имя женщины, ответившей на звонок. Затем написала Кирееву и Соне, куда едет.

Следующий автобус пришёл через одиннадцать минут.

В библиотеке пахло мокрыми куртками и старой бумагой. Вера невольно стала искать признаки бедности: дешёвые стулья, потёртые края столов. Потом остановила себя. Не каждое старое помещение было местом, где кого-то обманывали.

Валентина Андреевна оказалась высокой женщиной с короткими седыми волосами. Она не предложила чай и не стала сразу рассказывать о Нине. Попросила показать фотографию.

— Вот это наша поездка, — сказала она. — Но снимок не наш. Нам прислали.

— От кого?

— От администрации центра. Мы обычно фотографировали книги и тех, кто соглашался. Это они делали после нас.

Она открыла на компьютере папку и несколько минут просматривала названия. Вера стояла рядом, не наклоняясь к экрану. На столе лежала стопка детских рисунков, на одном

красный кот сидел в лодке. У кота было четыре уха: ребёнок передумал, но ничего не стёр.

— Год вы сказали какой?

Вера назвала.

— Тогда ещё выезжали. Потом перестали.

— Почему?

— Нас сначала не пустили к тем, кто лежал. Сказали, санитарный день. Потом два раза переносили. А позже предложили оставлять книги у охраны.

— Это было до закрытия?

— Задолго. До закрытия ещё несколько лет прошло.

Валентина Андреевна достала из нижнего ящика папку с прозрачными вкладышами. Внутри были письма благодарности, распечатки маршрутов, фотографии коробок. На одном листе лежала опись переданных книг. Подписи внизу были разные: библиотекарь, представитель центра.

— Я вашу сестру по имени не вспомню. У них девушки менялись часто. Если покажете нормальное фото...

Вера открыла снимок Нины на кухне у родителей. Сестра стояла над разрезанным арбузом и держала нож остриём вниз. Ей было двадцать. Ещё не существовало слов «последнее фото».

Женщина взяла телефон за края, посмотрела внимательно.

— Похожа. Но я не могу утверждать.

Она вернула аппарат сразу, не пытаясь быть доброй уве-

ренностью.

— Можете сказать, кто руководил центром?

— С нами работала Тамара Сергеевна. Заведующая или заместитель, не знаю. Я тогда не уточняла должность. В письмах должно быть.

Вера достала блокнот. Одна Тамара уже существовала в её сегодняшнем дне; пришлось написать отчество крупнее.

Валентина Андреевна перевернула ещё несколько листов.

— Был молодой человек. Вozил людей на обследования. Вечно торопился, помогал нам коробки таскать. Имя не помню.

— Мой отец мог что-то ремонтировать у них. Виктор Павлович.

— Мужчины с таким именем не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.